
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МОТИВЫ ДОМА И ДОРОГИ В ЛИРИКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Ю.Г. Пыхтина

Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, Оренбург, Россия, 460018

В статье рассматриваются пространственные мотивы дома и дороги в лирике М.И. Цветаевой через бинарные оппозиции: дом — внутренне гармоничное, идеализированное пространство / дом, лишенный гармонии; дом материальный / дом духовный; замкнутое, ограниченное пространство дома / открытое пространство дороги.

Ключевые слова: лирика, М.И. Цветаева, пространственные мотивы, мотив дома, мотив дороги, бинарные оппозиции.

Творчество М.И. Цветаевой в настоящее время активно изучается в самых различных направлениях. Одним из актуальных аспектов исследований является мотивный анализ. Продуктивность указанного подхода обусловлена природой данного компонента текста: характеризуясь повышенной степенью семантической, обладая устойчивым набором значений, мотив соотносится с мировоззрением и мироощущением автора.

Сфера нашего исследования — пространственные мотивы. Для того чтобы можно было оперировать термином «пространственный мотив», необходимо прежде всего привести его определение. В современном литературоведении термин «мотив» не обладает четкой теоретической определенностью. обстоятельный анализ развития теории мотива в отечественной науке был сделан И.В. Силантьевым в работе «Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. Очерк историографии». Выделив четыре подхода в трактовке мотива — семантический (А.Н. Веселовский, А.Л. Бем, О.М. Фрейденберг), морфологический (В.Я. Пропп, Б.И. Ярхо), дихотомический (на стадии его формирования — А.Л. Бем, А.И. Белецкий и снова В.Я. Пропп) и тематический (Б.В. Томашевский, В.Б. Шкловский, А.П. Скафтымов), — исследователь в то же время говорит о незавершенном, открытом характере теории мотива. «Точки зрения и мнения исследователей, увиденные в системе, не только отвечают на вопросы о существовании мотива, но и порождают новые вопросы и ставят новые проблемы. По существу, историография теории мотива на современном этапе переходит в его актуальную теорию... Все это говорит о том, что задача построения целостной теории мотива еще далеко не завершена. Сказанное в особенности относится к проблеме лирического мотива» [1].

Из существующих на сегодняшний день концепций мотива наиболее убедительными, на наш взгляд, являются два подхода — интертекстуальный, представленный работами Б.М. Гаспарова, А.К. Жолковского, Ю.К. Щеглова, и коммуникативный, представленный работами В.И. Тюпы и Ю.В. Шатина.

Для нас важным в трактовке мотива является: 1) его универсальность. Об этом убедительно пишет С.Ю. Неклюдов в статье «Мотив и текст»: «...основу мотивно-

го фонда составляет набор семантических универсалий (какими бы причинами — психофизиологическими, социальными, культурными — эта универсальность не была обусловлена)» [2. С. 236]; 2) повторяемость мотива в ряде фольклорных и литературных произведений. Именно эту особенность отмечает В.И. Тюпа: «Текстуальная манифестация мотива — повтор», причем повтор не только лексический, но прежде всего — семантический [3. С. 52]. Как некое постоянство, имеющее устойчивое смысловое ядро, понимает мотив и Б.М. Гаспаров, он пишет, что «сами приемы дробления, варьирования, соединения мотивов повторяются, то есть выступают как регулярные» [4. С. 99]; 3) подвижность мотива. Само происхождение слова «мотив» связано с идеей движения (от лат. *motivus* подвижный), поэтому мотив не только повторяется, но и варьируется в текстах: «сохраняя свои основные признаки, мотив в художественной литературе может иметь различные оценочные, смысловые и стилистические оттенки, благодаря способности к модификации, свойству переходить из одной тональности в другую, изменять внешние очертания» [5. С. 14]; 4) словесная закреплённость: «мотив в отличие от темы имеет непосредственную словесную (и предметную) закреплённость в самом тексте произведения» [6. С. 230].

Под пространственными мотивами мы будем понимать универсальные, устойчиво повторяющиеся, словесно закреплённые пространственные образы в творчестве какого-либо писателя или многих авторов, выражающиеся в различных аспектах с помощью варьирования наиболее значимых их элементов.

Анализ лирики М.И. Цветаевой позволил выделить наиболее продуктивные пространственные мотивы — дома и дороги, которые на определенном этапе творчества становятся оппозиционными.

Образу дома в творчестве М. Цветаевой посвящено несколько литературоведческих и лингвистических работ. В статье Н. Дацкевич и М. Гаспарова «Тема дома в поэзии Марины Цветаевой» представлен тонкий анализ оппозиции «дом земной — дом небесный» [7], Н.Н. Манакова и Д.А. Малеванная исследуют семантику дома в поэзии Цветаевой в динамическом аспекте: опозитизированный дом в Трехпрудном переулке в раннем творчестве — бездомность в лирике эмигрантского периода [8; 9]. Лингвисты С.Р. Габдуллина и О.А. Фещенко рассматривают дом как концепт на материале поэзии и прозы [10; 11]. Интересно, что исследователи, не считая дом частотным образом в творчестве Цветаевой, анализируют его как ключевой: «ведущими критериями при определении ключевой позиции лексемы ДОМ в текстах Цветаевой являются его смысловая и коммуникативная значимость» [11. С. 118].

Мотив дома, как и другие пространственные мотивы, реализуется у Цветаевой через ряд оппозиций. На сложную связь антиномических оппозиций в лирическом пространстве Цветаевой указывает А.Г. Коваленко: «Цветаевский антиномизм — явление многоуровневое. Намеченный на одном уровне, он нейтрализуется на другом, разнонаправленные векторы накладываются друг на друга, не сливаясь... Многоуровневый антиномизм, в котором полюса лексико-семантической оппозиции нейтрализуются, затем „ветвятся“ далее, создавая новые антитезы внутри старых, — характерный психологический рисунок образного мира цветаевского стихотворения, отражающий мятущуюся, вибрирующую (и в этом смысле — бес-

прецедентную, не имеющую аналогов) интонацию поэта» [12. С. 136]. Учитывая эту особенность лирики Цветаевой, рассмотрим выявленные нами антиномические оппозиции мотива дома

Дом — внутренне гармоничное, идеализированное пространство / дом, лишенный гармонии. Первое значение дома реализуется только в ранней лирике М.И. Цветаевой. Это дом детства, обжитой, уютный, хранилище ценностей, он всегда наполнен людьми и любимыми вещами. «Главное, из чего складывается понятие уюта, — это предметы и вещи, составляющие интерьер дома, которыми дорожат его жители, потому что они являются носителями дорогих воспоминаний о далеких временах и о близких любимых людях», — пишет Ю.Д. Коваленко [13. С. 14—15]. Значимой приметой домашнего тепла и уюта становятся для Цветаевой книги: «Дрожат на люстрах огоньки... / Как хорошо за книгой дома! / Под Грига, Шумана и Кюи / Я узнавала судьбы Тома». По словам Ю.М. Лотмана, «...книги обязательный признак Дома, они подразумевают не только духовность... но и особую атмосферу интеллектуального уюта» [14. С. 272].

В целом ряде ранних стихотворений книги и музыка придают дому сказочность, волшебность: «Опять под музыку на маленьком диване / Звенит-звучит таинственный рассказ / О рудниках, о мертвом караване, / О подземелье, где зарыт алмаз; Залу, спящую на вид, / И волшебную, как сцена, / Юность Шумана смутит / И Шопена...»

Заметим, что признаками сказочности становятся и образы нечисти, рождающиеся в воображении юной Цветаевой: «В зале страшно: там ведьмы и черти / Появляются все вечера. / Папа болен, мама в концерте... / Спать пора!»; «Детство: молчание дома большого, / Страшной колдуньи оскаленный клык; / Детство: / одно непонятное слово, / Милое слово „курлык“/»; «Хлопнул ставень — потемнело, / Закрывается второй... / Кто там шепчет еле-еле? / Или в доме не мертво? / Это струйкой льется в щели / Лунной ночи колдовство. / В зеркалах при лунном свете / Снова жив огонь зрачков, / И недвижим на паркете / След остывших башмачков».

В то же время лирическая героиня Цветаевой понимает, что таинственным и волшебным дом мог казаться только в детстве: «Первые игры и басенки / Быстро сменились другим. / Дом притаился волшебный, / Стали большими царевны. / Но для меня и для Асеньки / Был он всегда дорогим»; «Лучшие радости с ним погребли мы, / Феи нырнули во тьму... / Маленький домик любимый, / Чем ты мешал и кому?»

Достаточно часто через описание дома передается душевное состояние лирического субъекта:

радость от встречи с домом: «Возгласами звонкими / Полон экипаж. / Ах, когда же вынырнет / С белыми колонками / Старый домик наш!»;

переживания, связанные с первой влюбленностью: «По тебе тоскует наша зала, / — Ты в тени ее видал едва — / По тебе тоскуют те слова, / Что в тени тебе я не сказала. / Каждый вечер я скитаюсь в ней, / Повторяя в мыслях жесты, взоры...»; «Гусар! — Еще не кончив с куклами, / — Ах! — в люльке мы гусара ждем! / О, дом вверх дном! Букварь — вниз буквами! / Давайте дух переведем!»;

тоска по утраченному: «А там, на маленьком холме, / За каменной оградой, / Навеки отданный зиме / И веющий Элладой, / Покрытый временем, как льдом, / Живой каким-то чудом — / Двенадцатиколонный дом / С террасами, над прудом. / Над каждую колонной в ряд / Двойной взметнулся локон, / И бриллиантами горят / Его двенадцать окон. / Стучаться в них — напрасный труд: / Ни тени в галерее, / Ни тени в залах. — Сонный пруд / Откликнется скорее»;

горе, связанное со смертью близкого человека: «Мы выходим из столовой / Тем же шагом, как вчера: / В зале облачно-лиловой / Безутешны вечера! / Здесь на всем оттенке давний, / Горе всюду прилегло, / Но пока открыты ставни, / Будет облачно-светло».

Третий и четвертый примеры, раскрывающие негативные на первый взгляд эмоции лирического субъекта (тоску и горе), все же являются иллюстрацией гармоничного пространства, атрибутом которого становится свет (окна горят бриллиантами, через ставни струится «облачно-лиловый» свет). По мнению Г. Башляра, «освещенный дом — это маяк спокойствия и грез» [15. С. 110]. Горящая люстра для Цветаевой — знак счастливого прошлого, а отсутствие освещения в доме символизирует перемены к худшему: Был рояль когда-то звонок! / Зала радостна была! / Люстра, клавиш — все звенело, / Увлекаясь их игрой...; На обоях прежние узоры, / Сумрак льется из окна синей; / Те же люстры, полукруг дивана, / (Только жаль, что люстры не горят!) / Филодендронов унылый ряд, / По углам расставленных без плана. / Спичек нет, — уж кто-то их унес!

Идеальный, желаемый дом нарисован Цветаевой в стихотворении 1916 г. «...Я бы хотела жить с Вами», где маркерами уюта становятся часы, цветы на окнах, изразцовая печь, флейтист в окне: «И в маленькой деревенской гостинице — / Тонкий звон / Старинных часов — как капельки времени. / И иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды / Флейта, / И сам флейтист в окне. / И большие тюльпаны на окнах. / И может быть, Вы бы даже меня не любили... / Посреди комнаты — огромная изразцовая печка, / На каждом изразце — картинка: / Роза — сердце — корабль. — / А в единственном окне — / Снег, снег, снег».

В зрелой поэзии более продуктивны варианты мотива дома, лишённого гармонии, они актуализируются в образах:

дома, обреченного на гибель: «Будет скоро тот мир погублен, / Погляди на него тайком, / Пока тополь еще не срублен / И не продан еще наш дом; Домики с знаком породы, / С видом ее сторожей, / Вас заменили уроды, — / Грузные, в шесть этажей. / Домовладельцы — их право! / И погибаете вы, / Томных прабабушек слава, / Домики старой Москвы»;

ненадежного пространства, неспособного защитить: «Бог, храни в часы прибоя — / Лодку, бедный дом мой! / Охрани от злой Любви / Сердце, где я дома»;

сгорающего, разрушающегося: «Что за дымок? Что за домок? / Вот уже пол — мчит из-под ног! / Двери — с петлей! Ввысь — потолок! / В синий дымок — тихий домок!»;

дома, в котором нет покоя: «Крик разлук и встреч — / Ты, окно в ночи! / Может — сотни свеч, / Может — три свечи... / Нет и нет уму / Моему — покоя. /

И в моем дому / Завелось такое. / Помолись, дружок, за бессонный дом, / За окно с огнем!»;

дома пустого, одинокого: «Возле дома, который пуст, / Одинокий бузинный куст... / Степь — хунхузу, Кавказ — грузину, / Мне — мой куст под окном бузинный / Дайте. Вместо Дворцов Искусств / Только этот бузинный куст...»;

«недомашнего»: «Лопушинный, ромашный / Дом — так мало домашний!.. Дом, что к городу задом / Встал, а передом — к лесу»; «Проста моя осанка, / Нищ мой домашний кров. / Ведь я островитянка / С далеких островов!»; «Хоромы — как сноп соломы — ничего!»; «Где совершенно одинокой / Быть, по каким камням домой / Брести с кошелкою базарной / В дом, и не знающий, что мой, / Как госпиталь или казарма».

Реализуясь в этих негативных значениях, дом превращается в «антидом», символически обозначает распад бытия, кризис мира в целом и, по сути, утрачивает свою сущность.

Дом материальный / дом духовный. Дом как материальное, физическое пространство реализуется у Цветаевой в двух традиционных значениях: жилище и здание. Бытовое пространство дома-жилища имеет противоречивые характеристики; с одной стороны, сильна тяга к семейному очагу, сохранению дома-гнезда: «Мракобесие. — Смерч. — Содом. / Берегите Гнездо и Дом... / Обведите свой дом — межой, / Да не внидет в него — Чужой. / Берегите от злобы волн / Садик сына и дедов холм. / Под ударами злой судьбы — / Выше — прадедовы дубы!»; с другой стороны, изначальное понимание неспособности иметь свой кров, желание свободы, т.е. творчества: «Мне и тогда на земле / Не было места! / Мне и тогда на земле / Всюду был дом. / А Вас ждала прелестная невеста / В поместье родовом.»

Мотив дома-жилища непосредственно связан с мотивом домостроения, строительство собственного дома осознается лирической героиней как общечеловеческая ценность: «А человек идет за плугом / И строит гнезда»; «Кто дома не строил — / Земли недостоин. / Кто дома не строил — / Не будет землею: / Соломой — золою...» и своеобразный приговор себе: «Не строила дома».

Дом как здание имеет в лирике Цветаевой как положительные значения: «Дом — пряник, а вокруг плетень / И церковки златоголовые», так и отрицательные: «И вдруг — совсем нежданно — сразу! / Тот самый дом. / Многоэтажный, с видом скуки...»

Духовный дом —местилище интимных чувств, переживаний лирической героини: «Чердачный дворец мой, дворцовый чердак! / Взойдите. Гора рукописных бумаг... / Так. — Руку! — Держите направо, — / Здесь лужа от крыши дырявой. / Теперь полюбуйтесь, воссев на сундук, / Какую мне Фландрию вывел паук. / Не слушайте толков досужих, / Что женщина — может без кружев! / Ну-с, перечень наших чердачных чудес: / Здесь нас посещают и ангел, и бес, / И тот, кто обоих превыше. / Недолго ведь с неба — на крышу!»

В лирике Цветаевой «постепенно выкристаллизовывается метафора „дом — душа“, областью референции которой становятся внутреннее пространство мира души и его состояния, поскольку Цветаева воспринимает и отражает мир не природой, как Пастернак, не историей и культурой, как Мандельштам, а собствен-

ным Я, на него проецируя весь окружающий мир. Поэтический мир Цветаевой конструируется по законам внутреннего мира поэта — мира динамичного, изменчивого, не-вещного, стремящегося за свои пределы. И потому Цветаева никогда не говорит просто о мире, но всегда — о своем внутреннем состоянии» [9. С. 123].

Итак, мы видим, что дом у Цветаевой становится психологическим локусом, приобретающим разные смыслы в зависимости от роли лирической героини: с одной стороны, дом отражает психологическое состояние лирического субъекта, с другой — дом оказывает воздействие на состояние лирического субъекта, но чаще всего в лирике Цветаевой происходит прямое отождествление дома и души: «Одна половинка окна растворилась. / Одна половинка души показалась. / Давай-ка откроем — и ту половинку, / И ту половинку окна!»; «Давным-давно любовный ход мой крестный / Окончен. Дом мой темен, глух и нем. / И семь печатей спят на сердце сем».

Замкнутое, ограниченное пространство дома / открытое пространство дороги. Многие исследователи отмечают открытость границ цветаевского дома, поэтому такие образы, как двор, улица, Москва, Россия, становятся также домом лирической героини: «...все не только в ДОМЕ, но и вокруг него (крыльцо, деревья, ворота) становятся его маркерами, потому что ДОМ на самом деле начинается не со строения, а с ощущения некоего места как ДОМА» [11. С. 127]. О своем стремлении расширить любое пространство, даже изначально заданное замкнутым, избавиться от каких бы то ни было границ Цветаева пишет в письмах: «Всякая жизнь в пространстве — в самом просторном — и во времени — самом свободном! — тесна» (к А. Тесковой) и в стихах: «Руки люблю / Целовать, и люблю / Имена раздавать, / И еще раскрывать / Двери! / — Настежь — в темную ночь!»

Рассматриваемая оппозиция связывается с динамическими мотивами, образующими центробежные (из дома) и центростремительные (в дом) векторы движения лирического субъекта.

Мотив ухода из дома в лирике Цветаевой вобрал в себя целый диапазон семантических оттенков:

как желание вырваться из обыденности, как благо: «С ранних лет нам близок, / кто печален, / Скучен смех и чужд домашний кров; И так хорошо нам вдвоем — / Бездомным, бессонным и сирым»;

как бегство, связанное с внутренними порывами к свободе: «Если душа родилась крылатой — / Что ей хоромы — и что ей хаты! / Что Чингис-Хан ей и что — Орда!»;

как вынужденное скитальчество: «В огромном городе моем — ночь. / Из дома сонного иду — прочь.»; «Сегодня ночью я одна в ночи — / Бессонная, бездомная черница! / Сегодня ночью у меня ключи / От всех ворот единственной столицы!»; «Вечно — из дому, / Век — мимо дома, / От любезного — в лес, / К дорогому»;

как стремление к другому дому — небесному, вечному: «И домой: В неземной — Да мой»; «Вербочка! Небесный житель! — Вместе в небо! — Погоди! — Так и в землю положите / С вербочкою на груди».

Движение в дом чаще всего имеет негативную оценку и связывается:

с потенциальной потерей внутренней свободы: Многоэтажный, с видом скуки... / Считаю окна, вот подъезд. / Невольным жестом ищут руки / На шее — крест. / Считаю серые ступени, / Меня ведущие к огню. / Нет времени для размышлений. Уже звоню. / Я помню точно рокот грома / И две руки свои, как лед. / Я называю Вас. — Он дома, / Сейчас придет»;

вторжением в дом нежеланных гостей: «Далеко — в ночи — по асфальту — трость, / Двери настежь — в ночь — под ударом ветра. / Заходи — гряди! — нежеланный гость / В мой покой пресветлый»;

негативным воздействием дома на входящего в него: «Я пойду к себе домой, / Угощусь из смертной рюмки»; «Помню первый / Ваш шаг в мой недобрый дом, / С пряничным петухом / И вербой»; «А глаза, глаза на лице твоём — / Два обугленных прошлолетних круга! / Видно, отроком в невеселый дом / Завела подруга»;

неверием в возможность возвращения: «Наливается поле льдом, / Или колосом — все по дорогам — чудно! / Только в сказке — блудный / Сын возвращается в отчий дом».

Мотив дороги реализуется и в других значениях:

дорога как добровольное или вынужденное странничество: «Братья, один нам путь прямохожий / Под небом тянется. / ...я тоже Бедная странница...»; «Зверю — берлога, Страннику — дорога, Мертвому — дроги, Каждому — свое»; «Мать дочерью идем — две странницы; / Две птицы: чуть встали — поем. / Две странницы: кормимся миром»;

дорога как освобождение от любви, как стремление к свободе: «От лихой любовной думки / Как уеду по чугулке — / Распыхтится паровоз, / И под гул его угрюмый / Буду думать, буду думать, / Что сам Черт меня унес»;

дорога как жизненный (и творческий) путь: «Всем случайностям навстречу! / Путь — не все ли мне равно? / Пусть ответа не дано, — / Я сама себе отвечаю!»; «Поэт — издали заводит речь. / Поэта — далеко заводит речь. / Планетами, приметамы... окольных / Притч рытвинами... Между да и нет / Он — даже размахнувшись с колокольни, / Крюк выморочит... Ибо путь комет — Поэтов путь»;

дорога в вечность: «Два цветка ко мне на грудь / Положите мне для воздуха. / Пусть нарядной тронусь в путь, / Заработала я отдых свой».

Итак, пространственные мотивы дома и дороги в лирике М. Цветаевой становятся доминантными, семантические функции их многогранны и разнообразны. Выявленные нами значения рассматриваемых мотивов получают специфическую реализацию в ряде системных оппозиций, таких как дом гармоничный / дом, лишенный гармонии; дом внутренний / дом внешний; вечный дом / временное пристанище; дом материальный / дом духовный; дом как замкнутое пространство / дорога как открытое пространство.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Силантьев И.В.* Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Научное издание. — Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/silantiev1.htm>

- [2] Неклюдов С.Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923—1996) / Отв. ред. С.М. Толстая. — М.: Индрик, 2004. — С. 236—247.
- [3] Тюпа В.И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс. — 1996. — № 2. — С. 52—55.
- [4] Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. — 1988. — № 10—12; 1989. — № 1.
- [5] Болкунова Н.С. Мотивы Дома и Дороги в художественной прозе Н.В. Гоголя: Дисс. ... канд. филол. наук. — Саратов, 1999.
- [6] Незванкина Л.К., Щемелева Л.М. Мотив // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987.
- [7] Дацкевич Н., Гаспаров М. Тема дома в поэзии Марины Цветаевой // Здесь и теперь. — 1992. — Вып. 2. — С. 116—130.
- [8] Манакова Н.Н. Семантика Дома в поэзии М.И. Цветаевой // «Поэт предельной правды чувства...»: Материалы Первых Международных Цветаевских чтений. — Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2002. — С.44—48.
- [9] Малеванная Д.А. Эволюция образа дома в лирике М. Цветаевой: Россия и эмиграция // Феномен русской духовности: словесность, история, культура: материалы Междунар. науч. конф. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. — С. 122—130.
- [10] Габдуллина С.Р. Концепт ДОМ-РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны: Сопоставительный аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2003.
- [11] Феценко О.А. Концепт ДОМ в художественной картине мира М.И. Цветаевой: На материале прозаических текстов: Дисс. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2005.
- [12] Коваленко А.Г. Многоуровневая антитеза (М. Цветаева) // А.Г. Коваленко. Очерки художественной конфликтологии: Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века: Монография. — М.: Изд-во РУДН, 2010.
- [13] Коваленко Ю.Д. Когнитивная категория художественного пространства и ее репрезентация в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002.
- [14] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М.: Язык русской культуры, 1999.
- [15] Башляр Г. Земля и грезы о покое / Пер. с франц. Б.М. Скуратова. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2001.

SPATIAL HOME AND ROAD THEMES IN THE LYRICS OF M.I. TSVETAeva

Y.G. Pykhtina

“Russian philology and methods of Russian language teaching” Department
Orenburg State University
Pobedy str., 13, Orenburg, Russia, 460018

The article deals with the spatial home and road themes in the lyrics of M.I. Tsvetaeva through the binary oppositions such as home like inherently harmonious, idealized space / home devoid of harmony; material home / spiritual home; a closed, limited home space / open road space.

Key words: lyrics, spatial themes, M.I. Tsvetaeva, a home theme, a road theme, binary opposition.